

НЕ СОТВОРИ СЕБЕ КУМИРА

Итак, мы снова накануне. Общество спрессовано в критическую массу для преобразований в политической, экономической, социальной сферах. Кажется, мы готовы к самым непредсказуемым, самым драматичным событиям. Но настоящая драма уже разыгрывается совсем на иных подмостках. Этими подмостками стали наши собственные души. От одной системы жизни с ее культурными образцами и идеалами мы переходим к другой. Какой? Попробую объяснить.

До сих пор доминирующий культурный стереотип был связан у нас с образом святого. Как правило, аскета, бесребренника, философа, а попросту—неудачника, не добившегося чинов и денег, не вкусившего толком радостей грешной жизни, не понятого близкими и друзьями. Если в образе святого выступала женщина, то она была непременно добродетельной, благоразумной, жертвенной— словом, женщиной с трудной судьбой. Святые ничего ни от кого не требовали и ничего ни от кого не принимали. В нашем обществе вечных просителей—завидный для подражания пример.

Такой пример мы получали в

изобилии от родного кинематографа. Разве интеллигентный слесарь Гоша из «Москва слезам не верит» или не менее интеллигентный похититель автомобилей Деточкин не похожи на святых? Они, конечно, слегка стеснялись своей святости и старательно притворялись обычными людьми. Но мы—то видели, чувствовали, верили!

Теплились в общественном сознании и несколько иных культурных образцов. Например, рыцаря и прекрасной дамы или процветающего делового человека. Правда, образцов с очень большой поправкой на реальную советскую действительность. Наверное, мир столбенел перед нашими романтическими куми-

рами, блистательно запечатленными литературой, живописью и кинематографом: босая с замашками утонченного эстета или владеющей всеми секретами политекса кухаркиной дочка. Совсем в неприглядном виде представлял перед миром наш «человек деловой», то есть делающий не дело, а карьеру, которая как раз от дела зависела меньше всего.

Все эти культурные стереотипы до поры до времени размещались в разных отсеках общественного сознания и нисколько друг другу не мешали. Возможно, потому, что конкуренция явно шла не на равных. Главным, даже на уровне официальной идеологии, бесспорно, признавался святой—в варианте коммуниста или комсомольца, которому дано лишь одно право—первым кинуться на амбразуру. В амбразурах в мирной жизни недостатка не было—не доставало скорее святых. Но по железному закону диалектики, чем неправеднее и грешнее мы жили сами, тем громче славил образ жизни святого.

Единственный культурный образец, который у нас никогда не пользовался признанием, был тип

предпринимателя, дельца, торговца. Ему доставалось не только в искусстве социализма. Ему было худо и в жизни.

Ситуация начала меняться в последние годы, когда в общественном сознании героическими усилиями энтузиастов пробудилась потребность в самых низменных житейских мелочах: вкусно поесть, мягко поспать, с комфортом передвигаться от дома до службы. Акции деловых людей стали расти. Однако грядущая польза от них, созидательная их сила пока еще обществом не осознана, воспринимается на уровне рефлекса. Ну а как бывает с рефлексами, каждый изучал в школе по биологии: когда в привычную среду вводился раздражающий фактор, у знаменитых павловских собачек заклинивало слюну.

К какой реакции в обществе приведет вторжение в жизнь предприимчивого человека, предугадать пока трудно.

Либо святой потеснится и уступит краешек места под солнцем грешному, либо...

Иосиф ДЗЯЛОШИНСКИЙ